

**Ольга
КОРЗОВА**

Архангельская
область

Ольга КОРЗОВА

родилась в Архангельской области.

Окончила Архангельский государственный пединститут,
26 лет работала в школе.

Публиковалась в журналах «Север», «Двина»,
«Наш современник», в газете «Литературная Россия».

Участник сборника «Молодые голоса Севера».

Автор книги стихов «Чёрное и белое» (2004).

Член Союза писателей России с 2008 года.

В журнале «Север» публикуется впервые.

«И чувствуешь себя лесной царевной...»

* * *

На чужбине пожив,
воротилась на Русь
и уже никуда не уеду.
Манна с неба, конечно,
я здесь не дождусь,
но картошку
 добуду к обеду.
Да и как не добыть? —
огород за окном,
выходи и орудуй лопатой.
В доме топится печка
 весёлым огнём,
на сарае бушуют котятя.
Есть друзья.
Пусть немного,
 но всё-таки есть,
и в наследство
 досталась работа,
от которой порою
хоть на гору лезь,
а бывает, и ладится что-то,
и цепляет за душу,
и точит внутри...
А ещё — эти книжные полки,
да на ветках рябины
 зимой — снегири,
и дорога к реке —
 мимо ёлки...

* * *

Совсем другое время за деревней.
Там белый снег, нетронутая тишь.
К чему Иерусалим, когда стоишь
и чувствуешь себя лесной царевной?
Сейчас вон те раздвинутся кусты —
ивняк ломая, выйдет на дорогу
и охнет старый леший: «Слава богу,
что вновь домой вернулась, дочка, ты».
Закашляет с натугой, заворчит:
хлопот полно, зима не за горами,
и чем бы шляться, помогла б с делами,
а то ведь лес не убран, не закрыт.
Перечить я не стану. Постою
и выслушаю молча все упрёки.
Над головою затрещат сороки,
на все лады склоняя жизнь мою.
Но вдруг метнётся голос птичьих стай.
Замру в тоске. Зачем так стонут птицы?
Не чают, что ли, снова возвратиться?
Махну рукой. Ответное «прощай»
вдали стихает. Слезы льются, льются.
Рукой их вытру, побреду в свой дом.
...А я с чужбины не смогла вернуться,
Осталась где-то в небе голубом.

* * *

Мы не вмещались
за дощатый стол.
Была я младшей
и в семье — девятой.
Отец и мама.
Бабушка, ребята
и мы с сестрой.
А если гость пришёл,
то для меньшей недоставало
места,
меня кормили где-то
в стороне,
и как-то неуютно было мне,
и грустно оттого,
что в доме тесно.
Прошли года,
мы вышли за порог.
Нас жизнь звала
от очага родного,
и мы на зов кидались
бестолково,
как мчит на свист хозяина
щенок.
И часто, в суете своей
спеша,
не вспоминали о далёком
доме.
Забот иных хватало.

* * *

Пусто на сердце и тошно.
Где-то плещутся стихи.
Только в буднях суматошных
среди всякой чепухи,
бесконечной, мутной, зряшной,
нанесённой, точно ил,
редко слышишь клик протяжный
или шум далёких крыл.
Чаще так: стоишь в печали,
тускло глядя в небеса,
а в высокой синей дали
замирают голоса.
Но в траве прибрежной, длинной
усмехнётся вдруг хитро
клад невиданный, старинный —
самоцветное перо.

На изломе
черствело время
так же, как душа.
И вместе мы собраться
не могли,
нас собирали только
дни утраты.
Сначала бабушку,
потом отца и брата
мы проводили в вечный
дом земли.
Мы неустанно рушили ту связь,
что нас, наверно,
берегла годами.
Оправдывались мы
детьми, делами,
а нить меж нами всё
рвалась, рвалась...
Но сила, что гнала нас
прочь и прочь,
внезапно изменила направление.
Мы сразу стали
старшим поколением,
всего лишь за одну — без мамы — ночь.
Вот в доме снова
шумно, людно, тесно.
Все собрались
и сели у стола.
И мамино
пустующее место
впервые
я несмело заняла.

* * *

Над дальним лесом вспыхнула звезда,
как будто свечка, трепетной рукою
зажжённая и поднятая ввысь.
За ней огни другие поднялись,
и небосвод, наполненный тоскою,
склонился тихо к горестной земле,
мятущейся меж взрывами и стоном.
И от свечи небесной там, во мгле,
зажглись земные светом отражённым.
И сотни рук взметнули этот свет,
молясь, любя и скорбно поминая
всем сердцем тех, кого меж нами нет,
и отступила в горы тьма ночная.